

вать; матеріальное же, похоти тѣла — подавлять. Жизнь, при непрестанномъ стремленіи къ отреченію отъ похотей тѣла и къ вызыванію въ себѣ человѣкомъ духовнаго начала, есть жизнь въ Богѣ. Ею человѣкъ достигаетъ своей духовной свободы, которой не можетъ ему дать жизнь для тѣла, такъ какъ матеріальное не зависитъ отъ человѣка и всегда подвержено вліянію внѣшнихъ матеріальныхъ силъ, духовное же всегда во власти самого человѣка и только его одного.

Страданія, неизбѣжно связанныя съ исключительной плотской жизнью, — о которыхъ вы говорите, какъ объ единственной причинѣ, могущей побудить человѣка, во время упадка его жизненныхъ силъ, ухватиться для спасенія за «иллюзію Бога», — эти страданія дѣйствительно могутъ быть для человѣка, отдававшагося животной жизни, показателемъ нарушенія имъ воли Бога, показателемъ лживости и призрачности того блага, которое онъ думалъ найти исключительно въ удовлетвореніи своихъ животныхъ инстинктовъ. И такимъ путемъ онъ дѣйствительно можетъ прійти къ познанію Бога и къ сознанію Его воли. Но, конечно, религія — не только для старыхъ или разслабленныхъ людей. И Христосъ проповѣдывалъ вѣру въ Отца-Бога въ цвѣтѣ своихъ лѣтъ.

Я говорилъ о вызваніи въ себѣ духовнаго начала. Это — одно, то, что даетъ духовному началу преобладаніе надъ матеріальнымъ. Другое: вѣроятно, вслѣдствіе того, что духовная сущность человѣка непостижима по своей глубинѣ и по своему разнообразію, она стремится къ познанію самой себя — черезъ познаніе человѣкомъ своего «я» и черезъ стремленіе его души къ соединенію